

Глава 23 Завершение арки

Призрак заговорил, его голос имел потусторонний оттенок.

"...А ты, ты, должно быть, самозванец притворяющийся мной".

Герман Спэрроу промолчал в ответ на обвинение души. Правда висела в воздухе - он действительно занял тело прежнего Питера.

"Я".

Выражение лица оригинального Питера исказилось в усмешки, когда он перевел взгляд на Германа Спэрроу, свое бывшее тело. В его глазах была смесь гнева и обиды, и он задал свой вопрос горьким тоном,

"Скажи мне, приятно ли тебе обладать моим телом?"

На мгновение Герман замолчал, почесывая шею от легкого дискомфорта. Тихим голосом он наконец ответил,

"По правде говоря, нет. Твоя внешность довольно невзрачна, и ты, конечно, не привлекаешь красоток. До того, как я занял твое тело, моя жизнь была на самом пике... Я бы никогда не пожелал добровольно завладеть твоим телом".

Первоначальный Питер был ошеломлен ответом. В астральной форме он стиснул зубы, а затем со вздохом признал.

"Ты говоришь как один из тех придурков, которые издевались надо мной..."

Когда оригинальный Питер продолжил излагать свои мысли, в его словах прозвучала смесь осознания и самоанализа.

"Однако это правда, я хотел стать чем-то большим, стать особенным и улучшить себя, и все это во имя защиты Гвен и мести Неду и остальным, но сейчас, размышляя об этом, я понимаю, что это был опасный путь, который превратил бы меня в такого же придурка, как и ты... и, что еще хуже, лицемерного".

Герман молчал, его губы подергивались, когда он слушал самопросветительскую тираду Питера.

Он был удивлен открытием, что кристалл, хранящий душу, позволяет ему общаться с душой.

Это был неожиданный результат, который привел его к теории, что, как только кристалл души будет извлечен из перчатки, он распадется, освободив захваченную душу.

Герман произнес.

"Если тебя это утешит, я понес суровое наказание для тех, кто мучил тебя и даже защитил Гвен от смерти сегодня..."

Оригинальный Питер улыбнулся горько-сладкой улыбкой, оттененной следами ревности, и тихо произнес.

"Я знаю. Я видел все через призму перчатки. Я бы хотел, чтобы не ты владел моим телом и чтобы я мог сохранять некий контроль над ним".

Герман позволил грузу молчания установиться между ними, понимая явные следы ревности в словах Питера.

Благодаря активному и пассивному вспоминанию, Герман прекрасно понимал чувства Питера к Гвен. Он знал, что оригинальный Питер питал навязчивые чувства к Женщине-пауку и глубокие - к Гвен, и нынешняя ситуация только усугубляла эти чувства.

Это была сложная и деликатная ситуация.

Это осознание означало, что оригинальный Питер был свидетелем каждого случая флирта Германа с Гвен, а также его, казалось бы, легкого прогресса за один день, превосходящего границы простой дружбы.

Это была горькая пилюля, которую пришлось проглотить оригинальному Питеру.

'Чувак получил отлуп и даже не мог ничего сделать, кроме как позволить этому случиться'.

Герман говорил с усмешкой, ему казалось, что его мысли немного смешны.

"Питер, даже если бы я не завладел твоим телом, твоя судьба осталась бы неизменной. Тебе было суждено погибнуть ради Гвендолин. Возможно, вместо того, чтобы заикливаться на одержимости, ты должен быть благодарен за то, что мое присутствие позволило тебе избежать участи, которая причинила бы душевную боль твоей возлюбленной Гвен".

Душа, казалось, была заметно ошеломлена ответом Германа. Он тихо пробормотал.

"Как и ожидалось от придурка..."

Как из воспоминаний Питера оригинала, так и из наблюдений за ним самим Германом во время фильма "Паутина-Вселенная" было очевидно, что Питер обладал некоторыми токсичными чертами по сравнению с другими своими двойниками и был полон неуверенности в себе.

Даже последние слова оригинала Питера в фильме, выражающие его желание быть особенным, как Гвен, показались Герману проявлением ревности, запугиванием ее. Для него было очевидно, что Питер испытывал изрядную долю зависти к способностям Гвен.

Когда Герман наблюдал за шокированным выражением лица оригинального Питера Паркера, в его голове сформировалась еще одна теория.

Похоже, что души, хранящиеся в его перчатке, не имели доступа к его собственным воспоминаниям.

Осознание этого факта вызвало у Германа чувство облегчения: он знал, что его собственные переживания и мысли останутся в тайне, скрытые от любопытных глаз любой будущей души, попавшей в его ловушку.

Оригинальный Питер вздохнул, на его лице отразилась сложная смесь эмоций - от грусти до замешательства. Он произнес с оттенком недоверия в голосе.

"Я... я не знал... что мне суждено встретить такой трагический конец. Ты не лжешь... верно?"

Герман поднял бровь. Он ответил с оттенком пренебрежения.

"Верь во что хочешь".

Взгляд оригинального Питера блуждал по тускло освещенной канализации, когда его астральная проекция начала исчезать, в поисках кого-то. Он пробормотал с оттенком покорности.

"Кажется, я рассеиваюсь. Я чувствую, как рвется связь с этим материальным миром, и мое сознание угасает".

С тяжелым сердцем оригинальный Питер посмотрел на Германа, а затем на Гвен, которая мирно лежала у стены. Смесь печали и принятия окрасила выражение его лица, и ему удалось вызвать слабую, меланхоличную улыбку.

"Остатки моей души в моем прежнем теле слились с твоей душой, став частью тебя. Ты

должен стараться наслаждаться своей жизнью".

Выражение лица Германа смягчилось, когда он заметил горькую улыбку Питера.

"Конечно".

Кивок Питера был наполнен смесью благодарности и грусти, а его взгляд устремился на его бесплотную форму.

"Я доверяю тебе позаботиться о тете Мэй и дяде Бене. Спасибо, что вступился за меня, отомстил моим мучителям... но если бы я мог попросить еще об одном... пожалуйста, я прошу тебя, не заводи романтических отношений с Гвен... и, пожалуйста, сделай все возможное, чтобы она тоже ни с кем не связалась".

Герман чуть не рассмеялся. Он знал, что Питер Паркер с Земли 65В был немного не в себе и очень ревнивым человеком, но не ожидал, что его одержимость проявится даже в последние минуты жизни. Однако, несмотря на этот недостаток, он не был совсем уж плохим человеком.

Если говорить по-японски, то Питер Паркер с Земли 65В должен был быть яндере. Он наблюдал за духом, когда тот медленно начал исчезать из мира.

Герман молча наблюдал, как дух оригинального Питера Паркера постепенно рассеивается, исчезая в воздухе.

'Мне жаль, Питер, но я не могу исполнить это желание'.

В момент, когда Герман произнес эту фразу, он почувствовал, как по его позвоночнику пробежала дрожь. Он тут же взмолился Стэну Ли, чтобы получить защиту от возможных призраков.

После быстрой молитвы Герман Спэрроу опустился на колени, переводя взгляд с угасающего духа на дремлющую Гвен. Прислонившись спиной к сырым стенам канализации, он нежным прикосновением убрал прядь волос с ее лица.

Глядя прямо перед собой, он размышлял.

Питер Паркер упоминал, что остатки его души в теле, которым я сейчас обладаю, слились с моей собственной душой. Означает ли это, что я унаследовал часть его судьбы и предназначения?"

"Хммм....был шанс'

'Однако, он должен быть крайне мизерным, поскольку это всего лишь остатки души. Это не должно повлиять на мою изначальную судьбу каким-либо существенным образом. Возможно, у меня даже нет predetermined судьбы. Возможно, я вообще лишен судьбы".

'Хмммм....'

'Это делает меня окончательной аномалией, легко превосходящей Майлза Моралеса'.

Закрыв на мгновение глаза, он почувствовал, как его тело наконец-то расслабилось после длительного периода времени. Казалось, будто с его плеч сняли груз. Психологическое бремя, связанное с тем, что он живет чужой жизнью, которая на самом деле не является его собственной, рассеялось.

Тетя Мэй... дядя Бен... они тоже мои тетя и дядя, благодаря слиянию остатков души Питера. Как и Гвен с Джорджем... они теперь часть моей семьи, так что у меня нет причин для беспокойства".

Герман не мог понять, обманывает ли он себя или его сердце говорит правду, но, по правде говоря, ему было все равно.

Будучи в прошлой жизни студентом-психологом, Герман знал, что лучше не задумываться о прошлом.

Он понимал, что в этом случае мысли имеют тенденцию всплывать в различных тревожных формах. Они могут проявляться как неуверенность в себе, кошмары или даже бредовые мысли, ведущие к расстройствам.

Он принял твердое решение от всего сердца принять свою новую жизнь, полностью признав тетю Мэй, дядю Бена, Джорджа Стейси и Гвен своей новой семьей. Но самое главное, он был готов принять свою новую личность.

Я - Питер Паркер".

Улыбка появилась на его лице, заставив губы слегка изогнуться. Он раскрыл ладони, и в них стремительно метнулось пятно. Полупрозрачная ящерица игриво подмигнула ему и потерлась головой о его ладонь. Оказалось, что она успешно справилась с навигацией по канализации.

Питер не сомневался в скорости ящерицы: она была невероятно быстрой, возможно, даже приближаясь к скорости света. Он молча размышлял.

'Интересно, как мне тебя назвать'.

Решив пока отложить процесс присвоения имени, Питер осторожно положил полупрозрачную ящерицу в уцелевший карман.

Он обследовал местность в поисках своего оружия и зонтика, но его охватила волна грусти, когда он понял, что оба предмета поддались разъедающей кислоте желудка ящера.

Это было чудо, что он не был полностью обнажен.

Единственная причина, по которой Питер выжил, заключалась в его способности к регенерации. Если бы это был кто-то другой, ему пришлось бы обратиться за профессиональной помощью из-за травмы.

Подхватив Гвен на руки, он медленно вышел из канализации в ночной Нью-Йорк.

Глядя на потрясающее ночное небо, лишённое некогда грозовых туч, а теперь украшенное мерцающим покрывалом звезд, Питер почувствовал радость от того, что наконец-то выбрался из сырой канализации.

Бросив нежный взгляд на Гвен, прижавшуюся к нему, Питер мягко улыбнулся и произнес,

"Нам пора возвращаться домой".

<http://tl.rulate.ru/book/92537/3279724>